

НАСЛЕДСТВО («Это все твое, сынок...»)

Человек родился, огляделся – холмы, покрытые лугами, змеящаяся меж холмов река, сонные заросли цветущей жимолости на склоне, тихое перешептывание камыша на другом берегу.

– Чьё это? – спросил он.

– Твоё, Отто, – ответил ему отец.

Человек обрадовался, встал и пошел. Он шел весь день, а луга, и рощи, и река все тянулись и тянулись. С вершины холма он огляделся – мир бескрайний и широкий, без начала и конца предстал перед ним.

– Обманул меня отец – мне за всю жизнь не обойти и не объехать всё это, значит, моим оно быть не может, да и проку с этого никакого.

Выходит, ничего своего, кроме пары ног, пары рук и одной разумной головы, у меня нет.

Стемнело, Отто лег на траву. Ночью стало холодно, он увидел над собой чёрную пропасть неба, залитую звездами. Человек лежал и смотрел на небо до самого утра. А с первыми лучами солнца встал и пошел искать своё.

По пути ему встретилась пыльная, исхоженная тысячами ног дорога.

– Идти по дороге легче, – рассудил человек, – и наверняка придешь туда, где найдется что-нибудь и для меня.

И пошел по дороге.

Дорога привела его к мельнице, а сама отправилась дальше.

– Чья это мельница? – спросил Отто.

– Моя, – ответил мельник. – Хочешь есть?

– Хочу, – только теперь он заметил, что голоден.

– Тогда держи.

И мельник взгромоздил на спину человека огромный мешок зерна.

– Неси к жерновам.

Весь день Отто носил на себе мешки с зерном к жерновам, а обратно – мешки с мукой. За это жена мельника накормила его, и ему разрешили переночевать в доме мельника. В тёплой постели под крышей он сразу уснул.

Так человек начал работать на мельнице.

– Откуда у тебя мельница?

– От отца.

– Мой отец не оставил мне ничего.

Мельник кормил Отто и давал кров. Но однажды Отто рассудил, что ничего своего у него не прибавилось, взял из кладовой мельника бурдюк вина, сырную голову и пару лепешек и, пока все спят, вышел на грязную после дождя, продавленную тысячами лошадиных копыт дорогу и пошел по ней.

«Я должен найти своё», – думал он, отправляясь в путь.

К вечеру дорога привела его к кузнице, а сама побежала куда-то ещё.

– Чья это кузница?

– Моя, – ответил кузнец. – Ты голоден?

– Нет, – Отто показал на мешок с провизией и бурдюк с вином, болтавшиеся за его плечами.

– Наверняка у тебя ни гроша за душой.

Отто вдруг понял, что у него совсем нет денег, и вместо ответа вздохнул.

– Тогда вот. – Кузнец указал человеку на кузнечные мехи и велел

гнать ими воздух.

Отто остался работать в кузне – носил уголь, качал мехи, бил тяжелым молотом, подчиняя себе твёрдое железо. Он уставал так, что забывался мёртвым сном, едва коснувшись постели.

– Откуда у тебя кузница?

– От отца.

– А мой отец не оставил мне ничего.

Кузнец кормил его, давал кров и немного денег. Но однажды Отто рассудил, что у него мало что своего прибавилось, и пара монет в неделю не стоят такого тяжёлого труда. Он вытащил сбережения кузнеца, которые давно заметил в старом его сапоге, из конюшни вывел игреневого коня, затемно вышел на извилистую, изъеденную тысячами колес дорогу и снова отправился в путь.

«Я должен найти своё», – думал он.

К вечеру дорога привела его к трактиру с постоянным двором, а сама запетляла неизвестно куда.

– Чей это трактир? – спросил Отто, привязав коня и переступив порог.

– Мой, – ответил трактирщик, разглядывая гостя. – Прикажете подать жареного поросёночка?

– Дай мне воды, трактирщик. И прежде чем ты мне что-то предложишь, вели насыпать овса моей лошади.

Он достал из увесистого кошелька монету и щёлкнул ею перед трактирщиком о стойку.

– Я вижу, господин не голоден. А что я, бедный трактирщик, могу предложить человеку, путешествующему на коне и с деньгами? Кроме пищи, вина и ночлега – ничего. Но, позвольте мне дерзкий вопрос.

– Спрашивай, если уж разбудил моё любопытство.

– Господин, я вижу, вы прибыли один... – трактирщик замолчал.

– Что с того?

– Простите мою неучтивость – но почему господин путешествует без своей достопочтенной супруги?

Отто вдруг понял, что всё это время был несчастен без доброй и любящей жены, и предался глубокой тоске.

– Я понимаю вас, – неловко бормотал трактирщик, – после смерти мой женушки я тоже стал одинок и несчастен. И вот ведь усмешка Всевышнего: дитя её и лицом, и характером – точно она. До конца дней моих будет мне напоминанием. Одна лишь радость мне суждена, если будет милостив Господь, – увидеть счастливой мою дочку, плоть от плоти моей, и знать, что будет с ней рядом честный человек, когда кончится моё время.

Трактирщик замолчал, расчувствовавшись. И чтобы гость не

подумал чего, ещё раз спросил:

– Так что, не прикажете ли подать поросёночка?

Отто стала невыносима новая тоска его.

– Подай мне вина... И поросёночка пусть тоже несут.

Он сел за стол и опустил голову. Дочь трактирщика поставила перед ним глиняный кувшин и блюдо с дымящимся, в золоченой корочке поросёнком со спёкшимся яблоком в стиснутом рту. Молодой жирок игриво сочился по бокам, заманивая, зовя впитаться зубами в нежную, только что приготовленную плоть.

Отто поднял глаза и залюбовался – девушка, возникшая перед ним, была очаровательна. На её щеках играл румянец юности и смущения. У них на постоялом дворе обычно останавливались люди никчемные, грязные, грубые. Они были неинтересны своей простотой. В этом же человеке, в его чёрных глазах крылась тайна. А еще – он так смотрел на неё. Мужские взгляды пощупывали её и раньше. Но странная тоска чёрных глаз была непохожа на привычную жирную похоть прочих постояльцев и щекотала девичье воображение...

– Я вижу, вы человек честный и благородный, – трактирщик замялся, – да и я для дочери ничего не пожалел бы, но, скажу прямо, мне о вас и ваших намерениях ничего не известно. Если Хильда согласна, я препятствовать не стану, и всё же... – для смягчения слов он изобразил улыбку, – приданого за ней нисколько не дам. Мне покойница досталась без всякого имущества. Да и ваша душа без корыстного искушения целее будет.

Так Отто женился на Хильде.

Ночью, когда страсть Отто улеглась, он рассудил, что трактир и постоялый двор со временем перейдут к Хильде, а значит, к нему. Но как им жить сейчас? Досада на недоверчивость и жадность тестя, лишившего их с молодой женой полагавшегося по праву, портила Отто торжественное настроение. Старик, конечно, одной ногой в могиле, но что, если он вздумает зацепиться за край её и провисеть так ещё долго?

Отто дождался, когда Хильда уснёт, спустился вниз и перерезал трактирщику горло.

Поутру убитого нашли. Отто сказал, что брачную ночь провёл с женой. Хильда подтвердила. Её пугала перспектива, потеряв отца, тут же потерять мужа. Подумать, что отца убил её же муж, она не смела от ужаса.

В ту ночь Хильда понесла.

После похорон она попросила Отто уехать из этих мест. Отто и самому было в тягость жить в доме убитого им тестя.

«Постоялый двор – скверное дело, – рассуждал Отто. – Любой проходимец может перерезать мне горло и завладеть всем, что теперь есть у меня».

На всякого гостя он смотрел с подозрением. На ночь запирали все двери и ставни на окнах. Но новое утро не приносило облегчения. Жизнь его обрела цену.

Страх Отто нарастал с каждым днём.

Тогда Отто продал постоянный двор и трактир – вместе со сбережениями тестя вышла полная телега денег. Он запряг в неё двух волов и вывел их на дорогу. Усадив беременную жену поверх мешков с золотом и с опаской глядя по сторонам, сел на игреневого коня, и они вместе тронулись в путь.

«Я взял у жизни своё, – думал он, – теперь я должен сохранить это для моего сына».

Они шли много дней и ночей. Дорога стала совсем разбитой, глубокие овраги тянулись по бокам её, и склоны их были мертвы, даже на дне не было ни ручейка – лишь сухие деревья тянули из темноты свои серые, судорожные руки. Но вот и овраги остались позади, почва сделалась каменной, и тропа стала почти не видна – разве что сбившийся с пути, заблудившийся скиталец мог забрести сюда.

– Хорошее место, – рассудил Отто, – сюда никто не придёт.

Волы вдруг встали. А игреневый конь испуганно повёл ноздрями. Впереди не было ничего. Дорога кончилась – под ногами лежала необъятная пропасть. Отто слез с лошади и пошёл по краю обрыва, изучая местность. Кругом был один лишь голый камень.

– Здесь я и построю свой дом, – сказал он.

И начал копать в каменной почве яму. И копал всю ночь, высекая киркой искры из тьмы. Яма получилась очень добротная, похожая на могилу.

В эту ночь Хильда родила сына – на три месяца раньше срока.

Отто спрятал мешки с деньгами в яму, оставив один при себе, завалил тайник камнями, сел на лошадь и уехал. К вечеру потянулись гружёные подводы, за ними шла длинная вереница каменотёсов. Отто решил построить жилище, которого никогда не было у него и которое он сможет оставить своему сыну.

Хильда плакала над ребенком – мальчик родился без ног.

– Бог наказал нас, – шептала она.

– Ты глупа, что, впрочем, неудивительно – ты всего лишь дочь мёртвого трактирщика. Господь даёт знак – моему мальчику незачем скитаться по миру, у него с рождения есть всё, чего не было у меня. Господь благословил моего сына. Поэтому я назову его Готтфрид.

Отто строил не просто дом – снаружи это была неприступная, величественная крепость. Рабочие день и ночь вырезали из скал огромные камни, тащили их и возводили из них стены. Внутри стен – ещё стены. И ещё, ещё. Если бы вор или убийца и задумал пробраться внутрь – он просто заблудился бы в каменном лабиринте.

Внутри всех стен – в самом центре – осталась лишь небольшая, но полная роскоши и изысканной отделки комната. Посреди неё, под каменным полом, Отто хранил свои деньги.

Рядом лежал маленький Готтфрид и смотрел, как стремительно сужается прямоугольный клочок неба над ним. Но вот балки тяжёлым крестом перечеркнули его, на них опустили крышу, и небо исчезло.

Готтфрид перевел взгляд на плачущую над ним мать и весело задрыгал ногами, которых у него не было. Но он об этом ещё не знал, поэтому болтал ими свободно и легко.

Когда очередной мешок золота опустошался, Отто дожидался ночи, раздвигал камни над ямой, похожей на могилу, и доставал следующий. Он не был скуп и ничего не жалел для сына, помня, что собственный отец пустил его по этому миру ни с чем.

В одну из ночей Хильда повесилась. На крестовине балок, под самой крышей. Отто не заметил того. Он смотрел вниз, в открытую могилу своего тайника. Денег там больше не было. Золото трактирщика кончилось.

К счастью, крепость была готова. Отто навесил толстую дубовую дверь, обитую стальными пластинами. Не хватало лишь одного – прочного засова, чтобы намертво закрыть её и отгородить Готтфрида от воров и убийц.

– Какая усмешка, – горько сказал Отто, – я построил неприступный замок, но не могу запереть его. Однажды найдется тот, кто доберётся сюда и завладеет всем, что принадлежит моему сыну.

Тогда Отто стал выдирать из себя жилы и кости. Кости он туго перевязывал жилами, пока не получился самый надёжный засов.

– Я сам лягу на пути у любого, кто принесет зло моему единственному сыну.

Засов упал на скобы, плотно заперев дверь, и Отто не стало, от него остался лишь шёпот, который долго бродил в огромном лабиринте, отражаясь от каменных стен:

– Это все твоё, сынок.

Готтфрид огляделся. На руках он ловко передвигался, но каменный мешок роскошной залы казался ему мал для жизни. Он подтянулся и снял засов, дверь открылась, освобождая метавшийся шёпот:

– Это все твоё, сынок...

Мальчик развязал жилы, вытащил отцовские кости и соорудил себе из них ноги, примотав жилами к своим маленьким культиям.

Стояла глубокая ночь. Маленький человек шёл, оставляя позади каменную, вознесшуюся к небу неприступную крепость. Было холодно. Но человек шёл, с усердием переставляя непривычные ноги, зная, что утреннее солнце взойдёт и согреет его. И это ожидание скорого тепла

делало озноб приятным. Он шёл в темноте, в слабом свете звезд, определяя путь по далекому запаху зреющей жимолости.

ЧУЧЕЛО

Любовь Льва Ильича к Розе Альбертовне была столь же огромна, сколь и безответна.

Он находил своё чувство к ней бездонным и возвышенным, взаимных же чувств не обнаруживал вовсе. Лев Ильич видел, что супруга тяготится его страдающим лицом, но искусно это скрывает.

– Ты меня не любишь, – выговаривал Лев Ильич, просыпаясь поутру.

– Счастье моё, – отвечала ему Роза Альбертовна, – люблю, очень люблю.

– Не любишь, – настаивал Лев Ильич, – не любишь и лжёшь.

Роза Альбертовна тянулась к нему с поцелуем, но Льва Ильича передёргивало от фальшивости её прикосновения.

Они прожили вместе долгую и мучительную для Льва Ильича жизнь. Дивные движения души Розы Альбертовны, на которые он рассчитывал, пойдя на этот жертвенный союз, обходили Льва Ильича

сторонай, будучи, как он всё отчетливее понимал, направлены куда-то вбок.

– Из любви к тебе я всё пойму и, может быть, даже прощу, – печально затягивался он привычной послеобеденной сигареткой. – В конце концов, твоё счастье для меня превыше собственных страданий.

– Мне никто не нужен, кроме тебя, – шептала Роза Альбертовна, собирая посуду.

– Ложь. Знаю, что нужен.

Лев Ильич выдыхал едкий дымок и наливал рюмочку коньяку – скрасить мучения.

Он пробовал мстить за очевидную неверность супруги, но месть успокоения не приносила.

«Что есть тело – бранный сосуд бессмертной души. А моя душа всегда с нею. Все мои помыслы о ней одной, все мои терзания. А где её душа, с кем?» – и тоска с ещё большей силой придавливала Льва Ильича.

Однажды Лев Ильич вернулся домой в особенно сильном любовном согбении. Роза Альбертовна робко взглянула на него. Нерешительность её была замечена и прочтена.

– С кем ты была?

– Одна, ждала тебя.

– Пуще твоей нелюбви мучительна мне твоя ложь.

– Любимый, я не лгу тебе.

Лев Ильич приблизился.

– Признайся. Облегчи душу покаянием.

Роза Альбертовна улыбнулась ласково и кротко, Лев Ильич распознал в том насмешку и молчаливое признание, гордая душа его не потерпела унижения, и крепкие руки впились в тонкую податливую шею.

– Признайся! – кричал оскорблённый супруг.

Но Роза Альбертовна молчала, высокомерно похрипывая.

Выместив боль измены, Лев Ильич успокоился, поужинал и окончательно вернул себе благоустроенное расположение духа. Он даже хотел сказать что-нибудь любезное Розе Альбертовне, но, увидев покореженное выражение лица её, передумал и быстро уснул.

Утро Лев Ильич привычно начал скорбным «Ты меня не любишь», но Роза Альбертовна впервые не ответила. Он повторил громче – вновь без ответа. Роза Альбертовна, сраженная убожеством души своей и не изыскавшая сил нести бремя тщательно скрываемого обмана, умерла.

Лев Ильич недоумевал, размышляя, что делать с неживой Розой Альбертовной. Проще и разумнее всех прочих вариантов было бы выбросить её. Но выбрасывать стало жалко, к тому же с новой силой

забилась его неугаемая любовь к ней.

Поэтому супруг вооружился инструментом и сделал из Розы Альбертовны чучело. Учитывая, что чучело он делал впервые, плоды трудов его следует признать достойными всяческой похвалы, а местами – даже и восхищения.

Наступили долгожданные дни тихого семейного счастья.

– Что было, то прошло, – примирительно приговаривал Лев Ильич, простивший Розу Альбертовну за годы равнодушия и обмана.

Он разглядел в глазах её преданность и нежность и перестал страдать.

Но счастье было недолгим. В сползающей набок улыбке Розы Альбертовны всё меньше оставалось искренности, и всё явственнее выпячивалась гримаса презрительного пренебрежения. Напрасно он искал добросердечие в её глазах – они перестали глядеть на Льва Ильича, разбежались в стороны, потом и вовсе закатились – каждый по-своему: один вверх, другой вниз.

Сомнений быть не могло – Роза Альбертовна не только не любила Льва Ильича, но и, отбросив многолетнее притворство, перестала скрывать своё к нему отвращение.

Лев Ильич терпел, Лев Ильич силился понять и искал правильные слова. Он унижался, исповедовался, обвинял, угрожал и просил прощения. Ни одним движением Роза Альбертовна не выказывала интереса к нему. Холод сполна завладел её душой.

Не вынеся пытки безразличием, Лев Ильич спрятал Розу Альбертовну в шкаф.

Скривившись, она смотрела оттуда выкатившимся глазом, когда супруг выбирал поутру галстук. Смотрела сквозь него. Лев Ильич опускал взгляд, но на дне шкафа лежал второй глаз Розы Альбертовны и тоже глядел сквозь Льва Ильича.

Не желая видеть её, Лев Ильич перестал подходить к шкафу и менять одежду. Он закрыл комнату и стал ночевать в ванной.

Однажды раздался шум, Лев Ильич прокрался и обнаружил шкаф открытым – он обрадовался, решив, что супруга не вынесла одиночества и сделала шаг навстречу. Роза Альбертовна висела на любимом галстукке Льва Ильича. Черный, в мелком белом горохе жаккард стягивал её шею, лицо поползло кривенькой улыбочкой – назло Льву Ильичу Роза Альбертовна повесилась. Лев Ильич заорал и принялся бить эту насмешливую улыбочку дверцей шкафа. Бить с остервенелым упоением, вкладывая в удары всю полноту неразделенной любви.

Роза Альбертовна не выдержала, треснула и осыпалась грудой сухих опилок. Лев Ильич оглядел высыпавшееся и вдруг понял, что больше не любит эту женщину. На душе его стало светло, он

почувствовал себя легко и свободно. Стряхнув с себя опилки, Лев Ильич достал из освободившегося шкафа свежую рубашку, желтый праздничный галстук и переоделся.

СЧАСТЬЕ

Нельзя сказать, что жизнь давала к тому поводы, но Яша был хронически счастлив и не умел скрыть этого, чем причинял невыносимые страдания ни в чём не повинным людям.

Провидение, видя такое жестокое безразличие к себе, проявляло настойчивость, насылая на Яшу всё новые ненастья, – Яша улыбался в ответ.

– Он просто идиот! – негодовали ни в чём не повинные люди и спешили уйти прочь.

Позади раздавался грохот очередного удара судьбы, обрушенного на Яшу, уходившие с надеждой оборачивались, но видели сияющее лицо Яши, выглядывавшее из-под кровоподтеков и ссадин, и погружались в отчаяние и безысходность.

Многие ломались.

Яшина неспособность видеть мрак, ужас и боль окружающего мира привела к неисчислимым нервным срывам, пяти инфарктам, трем самоубийствам, а один человек даже решился на операцию по смене пола в своём стремлении забыть невыносимо-довольное Яшино лицо.

Оскорблённое и униженное провидение взялось за него всерьёз.

Яшина собака попала под машину. Любимая женщина тяжело заболела и умерла. Дом, в котором он остался один, обрушился, завалив его обломками.

Яшино помятое тело достали. Врачи долго сшивали, латали, прикручивали и привинчивали то, что от него осталось. Когда сердце Яши останавливалось, провидение принуждало биться его заново – оно хотело увидеть, как покорёженный человек будет жить и смотреть на жизнь теперь.

Яше отрезали правую руку и левую ногу. Один глаз закрылся навсегда. Но лицо его по-прежнему улыбалось.

– Нельзя жить с таким лицом, – рассудил доктор и перекусил лишний проводок в незапертой Яшиной голове.

Улыбка сразу исчезла.

Яша вернулся к жизни и заковывал по ней опять.

– Совсем другое дело, – провидение осмотрело Яшу и, довольное, отступилось от него.

Люди шли мимо, опустив головы, но встретив разрушенное Яшино лицо, благодарили судьбу за то, что их собственная жизнь вовсе

не так ужасна, как им казалось. И в глубине души, на самом её дне, где жило милосердие, желали Яше скорейшего окончания его мучений.

Яша же, видя, как страх перед судьбой мешает этим хмурым людям разглядеть саму жизнь и скрытое в ней счастье, старался ободрить их, сказать, что жизнь прекрасна своей мимолетностью. Он спешил, зная, что время может вдруг кончиться. И поэтому он улыбался им всем – и людям, и провидению, и самой жизни. Но, к счастью для всех, его улыбки теперь никто не видел.